

ОТ РЕДАКЦИИ

Дискуссия по общим вопросам фонологии, развернувшаяся на страницах «Известий АН СССР» в связи с опубликованием статьи С. К. Шаумяна «Проблема фонемы»¹, закончена. На призыв редакции откликнулось 15 языковедов разных специальностей (руссисты, германисты, тюркологи, монголисты и др.), научных работников Москвы, Ленинграда, Куйбышева, Рязани, Баку и других городов. С удовлетворением можно приветствовать участие в обсуждении вопросов общей фонологии наряду с виднейшими фонологами и фонетистами группы молодых научных работников².

Из участников дискуссии одни ограничились критикой фонологической концепции С. К. Шаумяна, другие объединили эту критику с высказываниями позитивного характера; иные развивали свои фонологические взгляды безотносительно к статье, послужившей поводом к обмену мнений.

Несмотря на ограниченный круг участников дискуссии, напечатанные статьи в своей совокупности дают довольно полное представление о тех совпадениях и разногласиях, которые объединяют и разделяют современных советских языковедов по вопросу о звуковой единице языка. Сформулировать какие-либо более или менее окончательные решения по этому вопросу на данном этапе его разработки было бы преждевременно, но состоявшийся с в о б о д н ы й обмен мнений позволяет — и в этом, главным образом, и заключается его положительное значение — сделать известные обобщения, характеризующие современное состояние советской фонологии.

Конечно, нельзя не пожалеть, что сам «виновник» дискуссии не сумел или не захотел извлечь ничего поучительного для себя из развернувшихся прений. В ответной статье³ С. К. Шаумян попрежнему утверждает, что ведущие советские фонологи «не понимают фундаментальных проблем современной фонологии» (стр. 530), что ему приходится повторять самые простые, давно всем известные и общепринятые на Западе научные положения только потому, что они являются новостью для его критиков (стр. 545) и т. д. «Отстаиваемая мною фонологическая концепция, — пишет он, — конечно, не лишена недостатков (!?). Критика этих недостатков могла бы принести большую пользу для ее дальнейшего развития и укрепления» (стр. 547). С. К. Шаумян огорчает, что эти недостатки не были замечены его критиками и что дискуссия с самого начала приняла принципиально научный, теоретико-методологический характер. «Мои критики, — продолжает сетовать автор, — сосредоточили свое внимание... не на действительных недостатках (концепции Шаумяна. — *Ред.*), а на той ее стороне, которая связана с фундаментальными принципами фонологии, прочность которых непоколебима» (стр. 547).

Что же представляет собою эта «фонологическая концепция»?

Мы не знаем, о каких «действительных недостатках» своей концепции говорит С. К. Шаумян. Полагаем, что если его критики не заметили этих «действительных» недостатков, долг автора статьи «Проблема фонемы» заключался в том, чтобы перечислить их в ответной статье. Он не сделал этого, и поэтому нам приходится снова говорить о тех «фундаментальных принципах фонологии» тов. Шаумяна, прочность которых, по его словам, является непоколебимой.

В ходе дискуссии мы получили возможность разобраться в характере и сущности «фонологической концепции» С. К. Шаумяна. Стало очевидным, что эта фонологическая концепция не включает в себе ничего существенно нового не только в общем и в основном, т. е. по своим принципиальным установкам, представляя собою повторение задов буржуазной науки⁴, но и во многих частностях (сюда относится, например, заимствованное у Р. Якобсона и Н. С. Трубецкого сравнение фонологии в ее отношении к фонетике с политической экономией в ее отношении к товароведению⁵). Отметим кстати, что С. К. Шаумян в гораздо более широкой мере, чем можно судить по пренебрежительному упоминанию в статье «Проблема фонемы» (на стр. 333), использовал также статью

¹ «Изв. АН СССР. Отд. лит-ры и яз.», 1952, т. XI, вып. 4, стр. 324—343.

² Мы напечатали полностью или (в т. XII, вып. 4) с незначительными пропусками все статьи, поступившие в редакцию до 1 июня с. г. Не были опубликованы, вообще говоря, только весьма запоздавшие разрозненные заметки И. Д. Дмитриева-Кельды, полученные (в три приема) редакцией после того, как С. К. Шаумян закончил ответную статью.

³ С. К. Шаумян. О некоторых вопросах фонологии (см. стр. 529—548 наст. выпуска журнала).

⁴ Что «концепция» С. К. Шаумяна отражает, повидимому, пройденный этап развития структуралистской теории языка, можно лишней раз убедиться также из недавно напечатанной на русском языке в «Acta linguistica» (Копенгаген, 1950—1951) статьи неоднократно упоминаемого С. К. Шаумяном Л. Ельмслева «Метод структурного анализа в лингвистике». Понятие фонемы теперь уже вообще не удовлетворяет структуралистов. Исходя из того соображения, что фонема может быть реализована не только в звуке, они выдвигают новое понятие (и термин) «т а к с е м а выражения» (стр. 67).

⁵ См. А. А. Реформатский, К проблеме фонемы и фонологии, «Изв. АН СССР. Отд. лит-ры и яз.», 1952, т. XI, вып. 5, стр. 470 и др.

Мартине (Martinet) «*Ou en est la phonologie?*» Оттуда заимствована, между прочим, идея неоднократно повторяемой С. К. Шаумяном таблицы комбинаторных изменений гласных перед [r] в «воображаемом» языке, схематизирующей существующие в датском языке отношения⁶; с этой статьей солидаризируется С. К. Шаумян и в выдвигении на первый план «существенных» признаков фонем, и в неправильном утверждении, что до Трубецкого, присвоившего учению о фонеме название «фонология», этой научной дисциплины вообще не существовало (положение, которое С. К. Шаумян развивает главным образом в своей ответной статье)⁷, и даже в «ниспровержении» здравого смысла (любопытная деталь философии тов. Шаумяна, которая, к сожалению, в ходе дискуссии не привлекла к себе того внимания, которого она, несомненно, заслуживает, если не считать беглых критических замечаний по этому поводу отчасти у А. Г. Спиркина⁸ и решительнее у Готфрида Кирхнера, который, как известно, требовал при решении фонологических проблем исходить, вопреки автору статьи «Проблема фонемы» именно из здравого смысла⁹).

Дискуссия показала, что по вопросу о структуралистском по сути дела, восходящем к Ф. де Соссюру и Н. С. Трубецкому шаумяновском понимании фонемы как совокупности только дифференциальных признаков, устанавливаемых по принципу противопоставлений и рассматриваемых как единственно «существенные» признаки фонемы, среди советских языковедов, принявших участие в обсуждении статьи «Проблема фонемы», не имеется разногласий: они придерживаются единодушно отрицательного мнения¹⁰. С. К. Шаумян, взявший на себя неблагодарную задачу популяризации на советской почве структуралистских установок в фонологии, оказался в полнейшем одиночестве. Его никто не поддержал.

Не в такой мере единодушно, но все же отрицательное мнение имеется и по «галванизированному» С. К. Шаумяном вопросу об «архифонеме» (по терминологии Шаумяна, «смешанной фонеме») как особой фонологической единице с ослабленной различительной функцией, причем к критике этого учения каждая из наших главных фонологических группировок («московская» и «ленинградская») подошла со своей точки зрения¹¹.

Таким образом, отрицательно был решен и вопрос о признании именно дифференциальных признаков, единственным критерием при установлении вариантов фонемы, о признании таким критерием «тождества различительной функции звуков», вопрос о шаумяновском «законе функционального тождества» — тождества, вытекающего из противопоставления каждой данной пары звуков как вариантов фонемы всем другим фонемам с их вариантами, в пределах данной системы звуков речи.

Вопреки утверждению автора статьи «Проблема фонемы», что «решающее значение (при установлении системы фонем в том или ином языке. — *Ред.*) имеет не физическое сходство звуков, а их функциональное тождество, т. е. тождество дифференциальных признаков»⁴ (стр. 337), критики С. К. Шаумяна в подавляющем большинстве придерживаются учения о материальной, физической общности, об артикуляционной близости вариантов фонемы, т. е. понимания фонемы как «звукового типа», в духе учения

⁶ Ср. в статье С. К. Шаумяна «Проблема фонемы», стр. 328 и в статье Мартине, стр. 43.

⁷ Отметим кстати, что С. К. Шаумян сильно сгущает краски, когда утверждает на стр. 529 и сл. будто все его критики «отбрасывают с порога» (?) лингвистическое наследство Н. С. Трубецкого. В ряде критических выступлений подчеркивалась только зависимость концепции Трубецкого от идей Бодуэна де Куртэна, Щербы и де Соссюра.

⁸ А. Г. Спиркин, Проблема фонемы и ленинская теория отражения, «Изв. АН СССР, Отд. лит.-ры и яз.», 1952, т. XI, вып. 5, стр. 476.

⁹ Из советских фонологов С. К. Шаумян отдельные положения и факты заимствовал (без ссылок на источник) у А. А. Реформатского, особенно из его статьи «Проблема фонемы в американской лингвистике», напечатанной еще в 1941 г. в «Ученых записках Моск. гор. пед. института», т. V. (Ср., в частности, определение фонемы у А. А. Реформатского в упомянутой статье на стр. 39 и у С. К. Шаумяна в статье «Проблема фонемы», стр. 331).

¹⁰ Заслуживает внимания, однако, что Р. И. Аванесов свою точку зрения на «существенные» признаки фонемы излагает уклончиво и сбивчиво (и это едва ли случайно). «Что фонема имеет, — говорит он, — свои существенные, мы бы сказали, конститутивные признаки, без которых она не была бы сама собой, это верно» (!). Но ср. далее о «несущественных признаках»: «Эти последние признаки (также) существенны, так как без них невозможно существование реальной звуковой системы данного языка» т. XI, вып. 5, стр. 466).

¹¹ Вопрос об «архифонеме» (в том или ином ее понимании), как известно, связан с вопросом о так называемой «нейтрализации фонологических противопоставлений». Только у читателя, не искушенного в вопросах фонологии, может создаться впечатление, что в статье С. К. Шаумяна «Проблема фонемы» этот вопрос впервые поднимается в советской научной литературе. На самом деле впервые этот вопрос был поднят П. С. Кузнецовым в статье «К вопросу о фонематической системе современного французского языка» («Ученые записки Мос. гор. пед. института», 1941, т. V, Кафедра русского языка, вып. 1, стр. 146—148).

Л. В. Щербы¹². При этом по-разному освещается вопрос о том, каким образом и почему звуки, близкие по материальным, физическим признакам, образуют одну смыслоразличительную единицу. С. И. Бернштейн выдвинул, согласно учению И. А. Бодуэна де Куртене, понимание вариантов как результатов действующего в языке на данном этапе его исторического развития артикуляционного приспособления одного и того же звука к различным позиционным условиям, т. е. понимание их как членов позиционного чередования, образующих в совокуности фонему. Признак «физического сходства» вариантов фонемы этим снимается и заменяется признаком артикуляционного преобразования основного варианта под влиянием позиционных условий.

Правда, в одной из дискуссионных статей, в статье молодого московского фонолога М. В. Панова, понятие звукового типа, восходящее в конечном счете к «Русским гласным» Л. В. Щербы, было подвергнуто критике с точки зрения «теории вариантов и вариаций». Однако соображения тов. Панова о степенях звонкости согласных в русском языке, которыми он обосновывает свою критику, представляются спорными как по существу, так и в качестве довода для доказательства выдвигаемых им положений.

Таким образом, участники дискуссии в своем подавляющем большинстве полагают, что сущест в е н н ы м и являются не только д и ф ф е р е н ц и а л ь н ы е, различительные признаки фонемы, материальный характер которых, как правильно утверждает С. К. Шаумян в своей ответной статье (на стр. 535), не должен вызывать сомнений, но и вообще все материальные—артикуляционные и акустические — признаки фонемы.

В критических выступлениях по поводу статьи «Проблема фонемы» приведено немало конкретных данных и общих соображений относительно этих мнимо несущественных свойств фонемы и важности их изучения. «В русском *г*,— пишут, например, Л. Р. Зиндер и М. И. Матусевич,— его носовой характер не является его различительным (и, следовательно, по Трубецкому и Шаумяну, существенным.— *Ред.*) признаком, поскольку в русском языке ему не противопоставляется носовой заднеязычный (как в некоторых других языках.— *Ред.*); ...однако замена *г* соответствующим носовым (условное обозначение [н̄]) — *Ред.*, например, в слове *год* (т. е. *ггот*) искажает его до неузнаваемости»¹³. Подобные факты — самое обычное явление в любом живом языке, изучение «природной материи» которого нельзя считать налаженным, если изучение н е д и ф ф е р е н ц и а л ь н ы х признаков фонем мы станем считать второстепенным делом.

В связи с этим обстоятельством находится принятое многими советскими языковедами и также восходящее к Л. В. Щербе учение о «словообразующей» и «словоопознавательной» функции звуков речи как функции, не менее (если не более, скажем мы от себя) важной, чем «смыслоразличительная», которой она, очевидно, предшествовала в процессе развития человеческой речи¹⁴. Напрасно С. К. Шаумян в своей ответной статье, пользуясь приемом свободного истолкования сделанных ему возражений до степени их полного искажения, пытается уклониться от серьезного обсуждения этого момента и почти в юмористическом плане, неожиданно и произвольно отождествляет эту функцию звуков речи с... «комбинаторными чередованиями» (стр. 532). Всякому понятно, что речь идет совсем не о комбинаторных чередованиях, а об опознавательных принадлежностях морфем и слов, о том, что звуки в составе того или иного слова узнаются носителями языка как звуки именно данного языка только в том случае, если они употреблены в соответствующих ему по законам данного языка комбинаторных условиях. Отрицать важность этой функции фонем не приходится, если помнить, что «язык есть средство, орудие, при помощи которого люди общаются друг с другом, обмениваются мыслями и добиваются взаимного понимания»¹⁵, взаимопонимание возможно только при условии узнавания воспринимаемых слов участниками языкового общения.

¹² Впрочем, не все авторы дискуссионных статей полностью солидарны друг с другом в отношении этого пункта. А. А. Реформатский, например, считает, что «наиболее интересное место в статье С. К. Шаумяна представляют рассуждения о том, что в известных условиях одинаковые звуки могут быть представителями разных фонем и разные звуки «вариантами» одной фонемы» (К проблеме фонемы и фонологии, «Изв. АН СССР, Отд. лит-ры и яз.», 1952, т. XI, вып. 5, стр. 472). Сам А. А. Реформатский по части смелости в рассуждениях на фонологические темы, пожалуй, не уступает С. К. Шаумяну. В своем учебном пособии для учительских институтов — «Введение в языковедение» (1947), как известно, он выдвинул парадоксальное положение, что «фонема может реализоваться даже нулем (!) звука, например, [о] в *сүтолока* [сүтэлк\^]» (стр. 76).

¹³ Л. Р. Зиндер и М. И. Матусевич, «Изв. АН СССР, Отд. лит-ры и яз.», 1953, т. XII, вып. 1, стр. 74.

¹⁴ Об этой функции см., в частности, у С. И. Бернштейна в статье «Против идеализма в фонетике» «Изв. АН СССР, Отд. лит-ры и яз.», 1952, т. XI, вып. 6, стр. 543—545), отчасти в упомянутой статье Л. Р. Зиндера и М. И. Матусевич (стр. 74—75).

Об этой функции, называя ее «перцептивной», говорит и А. А. Реформатский в своем «Введении в языковедение», 1947, стр. 11, 55, 78, 79.

¹⁵ И. С т а л и н, Марксизм и вопросы языкознания, Госполитиздат, 1952, стр. 22

Из всего вышеизложенного следует, что вопрос об отношении фонологии к фонетике не может быть решен в пользу отрыва фонологии от фонетики. Действительно, все участники обсуждения статьи С. К. Шаумяна решительно высказались за понимание фонетики и фонологии не как двух разных научных дисциплин, а, согласно принципу, намеченному И. А. Бодуэном де Куртэнэ и настойчиво выдвигавшемуся Л. В. Щербой, как двух взаимно связанных и необходимо дополняющих друг друга точек зрения на звуки речи, как на два аспекта единой науки.

К существенным разногласиям по данному пункту не относится «вопрос» о названии этой научной дисциплины. Едва ли, впрочем, не следует согласиться с теми участниками дискуссии, которые полагают, что эта научная дисциплина, посвященная всестороннему изучению «звуков речи», т. е. не только с точки зрения физиологии произношения и акустики, но и с функциональной точки зрения, могла бы по-старому называться фонетикой.

Пожалуй, наиболее слабо аргументированным и поэтому наиболее уязвимым пунктом «фонологической концепции» С. К. Шаумяна, также находящимся в связи с недооценкой сталинского указания о связи языка как орудия общения с его «природной материей», можно считать рассуждения этого автора об исторической фонетике. Следуя своей нигилистической манере замазывать и чернить все, что до сих пор (до С. К. Шаумяна) сделано и что делается (независимо от С. К. Шаумяна) в области фонетики (и фонологии), особенно на русской, на советской почве, автор статьи «Проблема фонемы» (на стр. 341) утверждает, что «традиционная (?) историческая фонетика... не имеет ясного представления о предмете своего исследования», что она всегда «остаётся на поверхности явлений», не умея «отличить внешнюю видимость явлений от их сущности»¹⁶.

Можно подумать при этом, что никто из фонологов до С. К. Шаумяна не интересовался вопросом о связи фонетических изменений с «фонологическими», что не было Р. Якобсона с его практическими опытами в этом роде¹⁷, А. Хилла, о работе которого «Фонетические и фонематические изменения» рассказывается в упомянутой статье А. А. Реформатского «Проблема фонемы в американской лингвистике», что не пытался выступать с фонологической интерпретацией некоторых фактов исторической фонетики русского языка Р. И. Аванесов и др. Беда, однако, в том, что никому из фонологов до сих пор не удалось в этой области создать ничего сколько-нибудь серьезного и прочного, и не вследствие недостатка усилий со стороны отдельных лингвистов, а по причине обнаружившейся с течением времени невозможности разграничить фонетические изменения с фонологическими и по причине органической антиисторичности и фонологических построений любого толка, если они не исходят из понятия о фонеме как звуке речи. Что касается идеи «существенных» и «несущественных» фонетических изменений (т. е. нарушающих «систему» звуков речи и не затрагивающих ее, непосредственно не отражающих на этой «системе»), то можно без преувеличения сказать, что, вопреки С. К. Шаумяну, эта идея вовсе не является новой не только для современных историков языка, но и для крупнейших историков языка прошлого (дофонологического) времени (таких, например, как А. А. Шахматов), никогда не употреблявших термина «система» в своих работах по исторической фонетике, но, надо полагать, имевших о ней достаточно ясное понятие.

Словом, историческая фонетика того или иного языка — это такая область, где особенно ошутительной является не только связь, но и зависимость «фонологии» (в понимании Трубецкого) Шаумяна, т. е. как учения о дифференциальных свойствах фонем, от фонетики (также в их узком понимании этого термина) и вся бесплодность фонологии, когда она отрывается от «природной материи языка».

Наконец, еще одно замечание.

Характерной чертой фонологической концепции С. К. Шаумяна можно считать чисто умозрительный, абстрактный характер рассуждений автора, их отрешенность от живой языковой действительности, от жизни. Иногда автор статьи «Проблема фонемы» высказывает и совершенно правильные мысли, но замечая, что отстаиваемая им, оторванная от «природной материи языка» фонологическая концепция противоречит его высказываниям. Он правильно утверждает, например, что фонология имеет «и чисто прикладное значение». Так; «фонология позволяет сделать более рациональным обучение произношению иностранных языков... Всеми также признана необходимость опираться на фонологию в деле создания алфавитов для бесписьменных народностей и рационализации существующих систем письма» (т. XI, вып. 4, стр. 326).

¹⁶ В своей ответной статье С. К. Шаумян пытается несколько сгладить необдуманную резкость своего выступления против «традиционной исторической фонетики». Он говорит: «Фонология различает существенные и несущественные звуковые изменения не для того, чтобы игнорировать несущественные звуковые изменения, а для того, чтобы установить иерархическое (!) соотношение между этими изменениями» (стр. 36). Для чего же нужно устанавливать это «иерархическое соотношение»? Те и другие изменения в процессе исследования заслуживают одинакового внимания. Без «несущественных» звуковых изменений нельзя понять «существенных».

¹⁷ *Remarques sur l'évolution phonologique du russe*, «Travaux du Cercle linguistique de Prague», 1929, № 2 и *Prinzipien des historischen Phonologie*, *ibidem*, 1931, № 4.

А. Н. Гвоздев очень кстати процитировал по этому поводу из «Фонетики французского языка» Л. В. Щербы (стр. 13), известное место, где говорится о двояком рода ошибках, наблюдающихся в практике обучения иностранных языков: «звучко-смысловых», или «фонологических», с которыми «нельзя мириться» и «ошибках выговора», или фонетических, к которым обыкновенно относятся термины. Но что касается возможности практического использования фонологии С. К. Шаумяна, то, как это было хорошо разъяснено тем же А. Н. Гвоздевым¹⁸, они настолько ничтожны, что автору статьи «Проблема фонемы» как раз в интересах его «концепции» не следовало бы поднимать этого вопроса. Впрочем, этот насущный вопрос все равно неминуче был бы поставлен в ходе обсуждения статьи С. К. Шаумяна, и он действительно был поставлен¹⁹.

Вообще в ходе дискуссии было со всей решительностью подчеркнута, что построить теорию фонемы в духе марксизма-ленинизма, в духе сталинских указаний о связи языка с его «природной материей» можно только в плане узвски теории с практикой, что немалосило построить эту теорию без учета многовекового опыта создания алфавитов и истории буквенного письма, без учета практики социалистического строительства в СССР.

Но хотя положительное значение только что закончившейся дискуссии по общим вопросам фонологии едва ли вызывает сомнения и хотя дискуссия очевидно принесла известную пользу советским языковедам, интересующимся вопросами этого рода, и помогла им, по словам одного из авторов, «освободиться от идеалистических и метафизических установок и в области теории фонем»²⁰, все же следует сказать, что она не вполне оправдала надежды, которые возбудила и, следовательно, не в полной мере достигла цели. Почему? В чем заключается причина этого явления?

Конечно, эту причину можно искать в недостаточной «оперативности» редакции журнала, повидимому, не сумевшей, правильно организовать дискуссию, дать должное направление дискуссии по общим вопросам фонологии. Мы не отрицаем, что при б о л ь ш е м о п ы т е в организации теоретических дискуссий²¹ нам удалось бы перенести центр тяжести с критики фонологической концепции С. К. Шаумяна на конструктивное обсуждение общих вопросов фонологии.

Но, с другой стороны, ничто не препятствовало оппонентам С. К. Шаумяна, в числе которых были виднейшие советские фонологи, воспользовавшись предоставленной им возможностью, вступить на путь самокритического пересмотра и проверки своих фонологических позиций под углом зрения диалектического материализма, в духе указаний И. В. Сталина по вопросам языковедения. Открывая дискуссию в прошлом году, редакция предлагала советским фонологам разных направлений обсудить затронутые в статье Шаумяна актуальные вопросы фонологии, между прочим, и с той целью, чтобы выяснить условия «согласения», возможности найти общий язык. Именно с этой целью было предоставлено слово в первую очередь представителям «московской» фонологической группы, сторонникам так называемой «морфематической теории фонем», «теории вариантов и вариаций» (Р. И. Аванесов, П. С. Кузнецов, А. А. Реформатский, М. В. Панов), несомненно, имеющей в деталях немало общего со структуралистскими фонологическими теориями и с той же пражской фонологической школой следовательно, и со школой Н. С. Трубецкого, а вслед за тем — наиболее верным ученикам и последователям Л. В. Щербы (А. Н. Гвоздев, Л. Р. Зиндер, М. И. Матусевич и др.), придерживающимся наиболее распространенного на советской почве понимания фонемы прежде всего как звукового типа, отвергающим учение о вариантах и вариациях (и с точки зрения фонологии как учения о функциональной стороне звуков речи являющимся почти «фонетистами»). Около двух печатных листов для выступления было предоставлено С. И. Бернштейну, по своим фонологическим взглядам близкому и к той и к другой группировке.

Именно к этим основным группам советских фонологов непосредственно и обратился С. К. Шаумян. В своей ответной статье он утверждает даже, что «почти вся статья» посвящена критике учения Л. В. Щербы, с одной стороны, и теории вариантов и вариаций, с другой (стр. 540), и заявляет, что «главным условием успешного развития фонологии», по его мнению, является... «преодоление смешения фонемы со звуковым типом и смешения фонологических проблем с морфологическими» (стр. 41). И можно утверждать, что автор статьи «Проблема фонемы» сделал бы доброе дело и избежал бы многих неприятностей для себя лично, если бы это закамуфлированное намерение он сделал явным и посвятил бы свою статью критическому разбору обеих наших фонологических «школ» вместо того, чтобы излагать «собственную» фонологиче-

¹⁸ А. Н. Гвоздев, К фонологии «смешанных» фонем, «Изв. АН. СССР. Отд. лит-ры и яз.», 1953, т. XII, вып. 1, стр. 58.

¹⁹ См., кроме упомянутой статьи А. Н. Гвоздева, также статью В. И. Лыткина «В какой языковой единице нуждается фонетика» (там же, стр. 48 и др.)

²⁰ «Изв. АН СССР. Отд. лит-ры и яз.», 1953, т. XII, вып. 4, стр. 378.

²¹ У нас, языковедов, мало опыта в этой области. Можно пожалеть, что с середины 1950 г. ни Институту языковедения АН СССР, ни нашему самому большому в мире специальному лингвистическому журналу «Вопросы языковедения» до сих пор еще не удалось организовать ни одной открытой творческой дискуссии на самых широких началах по наиболее важным и актуальным общим проблемам науки о языке.

скую «концепцию». В таком виде статья, несомненно, в большей мере способствовала бы выявлению и, может быть, ослаблению пока все еще острых противоречий в среде советских фонологов.

Конечно, в данном случае речь идет не о простом компромиссе. В ходе дискуссии и после нее некоторые фонологи пытались вступить на этот легкий, но ненадежный путь решения научных вопросов. Сюда относится, например, попытка примирения «теории вариантов и вариаций» с пониманием фонемы как звукового типа, предпринятая С. И. Бернштейном в его дискуссионной статье (стр. 543, сноска 8). Он излагает здесь свое учение о двоякого рода фонеме в одном и том же языке на одном и том же этапе его развития: о фонеме как «кратчайшем звуковом признаке, служащем для словоразличения и словоузнавания» и о фонеме как «кратчайшем звуковом компоненте морфемы, подвергающемся преобразованиям в зависимости от позиционных условий»; по этой причине, в первом плане, [t] в конце слова *god* [got] окажется принадлежащим к фонеме [t], во втором плане, — к фонеме [d]. Но это учение, как нам кажется, не только ничего не проясняет, а окончательно запутывает и делает бесполезным дальнейшее обсуждение вопроса об отношении фонемы к звуку и об отношении фонемы к морфеме.

Таким образом, та и другая из основных советских фонологических группировок, повидимому, продолжает отстаивать свои исходные установки и не делает попыток найти общий язык, соответствующий единой философско-теоретической платформе — марксистско-ленинской теории познания. Вместо этого ведущие фонологи того и другого направления взывают к каким-то еще неизвестным грядущим советским языковедам, которые будто бы должны проложить новые пути в фонологии. В этом отношении представляет интерес совпадение по содержанию и тону концовки выступления Р. И. Аванесова²² и последнего абзаца статьи Л. Р. Зиндера и М. И. Матусевич²³.

Таким образом, суть вопроса, повидимому, не в том, как, хорошо или плохо, была организована дискуссия, а в том, что «ведущие» советские фонологи пока еще не приступили (и, повидимому, не считают это дело неотложным и важным) к пересмотру своих взглядов в области теории фонемы, и нового в этой области им нечего сказать.

Но констатируя этот факт, нам хотелось бы в то же время отметить и то обстоятельство, что среди значительной части советских языковедов все в большей мере складывается убеждение (разделяемое и некоторыми участниками дискуссии), что, может быть, «проблема фонемы» вообще отжила свой век именно как проблема. Понятие фонемы уже в достаточной степени выяснено. Можно полагать, что фонема — это не какая-то совершенно новая, вовсе неизвестная старому языкознанию языковая единица, а всего лишь уточненное и, может быть, углубленное понимание «звука речи» и что, в частности, самый термин «фонема» (при наличии равнозначного ему термина «звук речи»), надо думать, не так уж необходим.

Хотели или не хотели этого отдельные участники дискуссии, двукратное выступление С. К. Шаумяна и критическое обсуждение статьи «Проблема фонемы» на страницах «Известий АН СССР» подтвердили, что мнение, о котором было только что упомянуто (что проблема фонемы отжила свой век), вообще говоря, не безосновательно, и способствовали широкому распространению именно этой точки зрения.

²² Р. И. Аванесов, К вопросу о фонеме, «Изв. АН СССР. Отд. лит-ры и яз.», 1952, т. XI, вып. 5, с. р. 468.

²³ Л. Р. Зиндер и М. И. Матусевич. К истории учения о фонеме, «Изв. АН СССР. Отд. лит-ры и яз.», 1953, т. XII, вып. 1, стр. 75.